

A black and white portrait of Mikhail Bulgakov, a man with dark hair, wearing a dark suit and a white shirt with a tie. He is looking slightly to the right of the camera with a serious expression. The background is a plain, light color.

история
за **час**

МИХАИЛ
БУЛГАКОВ

История за час

Михаил Булгаков

«Азбука-Аттикус»

2015

Михаил Булгаков / «Азбука-Аттикус», 2015 — (История за час)

Михаил Афанасьевич Булгаков (1891–1940) – выдающийся русский писатель и драматург, приобретший мировую известность в конце XX века. Пожалуй, сегодня нет человека, не слышавшего о знаменитом романе «Мастер и Маргарита». Блестящий сатирик и непровзойденный очеркист, он написал «Роковые яйца» и «Собачье сердце», создал панораму Москвы 1920-х гг. Главным интересом Булгакова всегда оставался человек, живущий в необратимо меняющемся мире. По натуре саркастичный и резкий, Булгаков ставил перед читателем одни и те же вопросы: насколько прочно человеческое благородство? Может ли интеллигент выдержать давление воинствующей серости, невежества, подлости и хамства? Действительно ли грубый напор и беспощадная власть в состоянии раздавить личность или миром правят силы, помогающие выстоять в борьбе со злом? «Рукописи не горят», и время не властно над произведениями, созданными мастером с чистой душой и мудрым сердцем. И чем дальше от нас уходят по времени даты создания произведений Булгакова, тем сильнее возрастает интерес читателя и зрителя к ним.

, 2015

© Азбука-Аттикус, 2015

Содержание

Введение. «За мной, читатель!»	6
Безоблачная пора	7
Начало самостоятельной жизни	8
Гражданская война. Врач и политика	9
Журналист, драматург, литератор	11
«В числе погибших быть не желаю...»	12
«Москва начинает жить»	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Вера Калмыкова
Михаил Булгаков. История за час

© Текст, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2015
КоЛибри®

Введение. «За мной, читатель!»

Если спросить любого читателя, как называется самое известное произведение Михаила Афанасьевича Булгакова (1891–1940), тот без запинки ответит: «Мастер и Маргарита». И конечно, не ошибется. Сколько ставили по этому роману спектаклей, сколько вышло экранизаций, причем не только в России, но и в других странах! В театре за постановки брались режиссеры Юрий Любимов и Роман Виктюк, в кино – Анджей Вайда и Юрий Кара, а в 2005 г. режиссер Владимир Бортко снял 10-серийный телефильм «Мастер и Маргарита».

Булгаков – автор множества рассказов, повестей, пьес, инсценировок и романов, в которых настолько ярко и скрупулезно показал эпоху 1920–1930-х гг., что по его книгам можно изучать жизнь разных слоев общества почти вековой давности. Но главным интересом Булгакова всегда оставался человек, живущий в мире, необратимо менявшемся на глазах. Ведь Булгакову и его сверстникам выпало стать свидетелями грандиозного социального сдвига – двух русских революций 1917 г., Февральской и Октябрьской. И если после первой общество могло еще остаться примерно таким, как ранее, то после второй Россию ждал небывалый по масштабам, беспрецедентный в истории слом всех традиций и устоев, социальной структуры, культуры в целом.

Человек по натуре саркастичный и резкий, Булгаков раз за разом ставил перед читателем одни и те же вопросы: насколько прочно человеческое благородство? Может ли образованный человек выдержать давление воинствующей серости, невежества, подлости и хамства? Действительно ли грубый напор и беспощадная власть в состоянии раздавить личность, или миром все-таки правят другие силы, помогающие выстоять в борьбе со злом?

Любой, кто прочитал лишь одно произведение Булгакова – роман «Мастер и Маргарита», ответит, что такие силы есть – это *любовь*... и, как ни странно, *культура*, а отнюдь не образованность как набор систематизированных или разрозненных знаний, не высокое положение в обществе, не сильное войско или, на худой конец, материальная обеспеченность. Каждый человек защищен, утверждает Булгаков, пока в мире есть хотя бы кто-то, кто готов бесконечно ждать его, «не выключая свет и постоянно подогревая воду для чая», и, наоборот, беззащитен, если превыше всего ставит прогресс ради прогресса: в подобном случае либо сам прогресс, либо тупая, равнодушная толпа раздавят тебя и ты ничего не сможешь сделать. Стоит помнить об этом, погружаясь в мир писателя, как бы подчиняясь его зову: «За мной, читатель!»

Безоблачная пора

Дед Михаила Афанасьевича, Иван Авраамиевич (1830–1894), был сельским священником. Афанасий Иванович, его сын, предпочел карьеру ученого-богослова: сначала обучался в Орловском духовном училище (до 1876 г.), затем в Орловской духовной семинарии (до 1881 г.), а в 1881–1885 гг. в Киевской духовной академии на церковно-историческом отделении. Степень кандидата богословия позволила ему преподавать, параллельно изучая западные вероисповедания. Афанасий Иванович имел чин статского советника. В 1885–1887 гг. он преподавал греческий язык в Новочеркасском духовном училище, а после, защитив диссертацию «Очерки истории методизма», получил степень магистра и стал доцентом Киевской духовной академии, где два года спустя уже заведовал кафедрой.

Примерно в это же время доцент Афанасий Булгаков женился. Варвара Михайловна Покровская (1869–1922) также происходила из семьи священнослужителя и до замужества два года преподавала в прогимназии.

Казалось бы, какое отношение имеют биографии родителей к творчеству сына? Как увидим далее, самое прямое. Штудии отца будущего писателя в области католичества отозвались много позже в романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», а девичья фамилия его бабушки по матери, Анфисы Ивановны Турбиной, – в заглавии пьесы «Дни Турбиных». Большая семья Турбиных заставляет вспомнить о семье Булгаковых, в которой было семеро детей.

Первенец Афанасия Ивановича и Варвары Михайловны, Михаил, появился на свет 15 мая (по старому стилю; 3 мая – по новому) 1891 г. в Киеве. Три дня спустя его крестили.

Семья год от году увеличивалась. Ни отец, ни мать не были деспотичны, не настаивали на духовной карьере детей, давали им добротное светское образование, хотя в основе, конечно, лежало православное вероисповедание. Отцу Михаил Булгаков был особенно благодарен за то, что тот заставил его выучить латынь, французский, немецкий, английский и греческий языки, к которым следует прибавить знакомый мальчику с детства украинский, а также итальянский язык, которым он занимался в 1930-е гг. Семья была дружной. В гостеприимном доме устраивались многолюдные праздники, в том числе детские; летом, на даче, царили веселье и радость. Ранние годы писатель всегда вспоминал как пору безоблачную и беззаботную.

Ранней осенью 1900 г. Миша поступил в подготовительный класс Второй киевской гимназии, а год спустя – в 1-й класс Первой киевской мужской Александровской гимназии. Это была гимназия «особого устава», в 1811 г. по указу императора Александра I приравненная к высшим учебным заведениям Российской империи. Здесь в разное время обучались шекспировед Н. И. Стороженко, скульптор П. П. Забелло, художник Н. Н. Ге.

В 1907 г., незадолго до ухода из жизни отца (его болезнь передалась Михаилу Афанасьевичу по наследству), Булгаковы переехали по адресу: Андреевский спуск, дом № 13, квартира № 2. Не случайно, что впоследствии именно там по замыслу автора происходит действие романа «Белая гвардия» и основанной на материале романа пьесы «Дни Турбиных» и, что также не случайно, именно там сейчас располагается музей Булгакова, одна из достопримечательностей Киева.

Начало самостоятельной жизни

8 июня 1909 г. Михаил Булгаков окончил Первую Александровскую гимназию и получил аттестат зрелости. Он собирался стать врачом и 21 августа был зачислен на медицинский факультет Киевского университета. Еще в предпоследнем классе гимназии Михаил познакомился с саратовской гимназисткой Татьяной Николаевной Лаппа (1892–1982), проводившей в Киеве каникулы. Спустя некоторое время, весной 1913 г., Татьяна Лаппа стала его первой женой.

Но еще раньше, в 1912 г., он сказал сестре: «Вот увидишь, я буду писателем».

В университете Булгаков все время рвался к самостоятельной деятельности. Просил отправить его врачом во флот. После начала Первой мировой войны помогал организовать при Казенной палате в Саратове лазарет для раненых и работал там, а с 1915 г. – в Киевском военном госпитале на Печерске [6]. В 1916 г. Михаил получил медицинский диплом с отличием, в котором значились тринадцать «пятерок» («одиннадцати „отлично“, или, как тогда писали, „весьма удовлетворительно“, было достаточно для получения „степени лекаря с отличием“» [14, с. 26]), и тут же, не забрав диплома, уехал на Юго-Западный фронт добровольцем Красного Креста – благотворительной медицинской организации, официально существующей с 1864 г. Жена отправилась вслед за ним – сестрой милосердия. С мая по сентябрь Михаил работал лекарем в прифронтовых городах. Чуть позже был зачислен «врачом резерва Московского военно-санитарного управления» [6] и поступил в распоряжение смоленского губернатора, который отослал молодого специалиста в Никольскую земскую больницу Сычевского уезда Смоленской губернии.

Зимой 1917 г. молодые Булгаковы гостили у родителей жены в Саратове. Там они узнали, что Николай II отрекся от престола и началась Февральская революция.

Примерно к этому времени относятся попытки молодого доктора написать что-нибудь самостоятельное. Первоначальный импульс дала конечно же медицинская практика в Никольской больнице. Осенью 1917 г. появились первые прозаические опыты – автобиографические рассказы из жизни земского врача.

Следующие несколько месяцев Булгаков находился сначала в Никольском, затем был переведен в Вязьму; затем в Киев, в Москву, в Саратов; на всех местах службы получал характеристики как преданный делу, энергичный, неугомонный – словом, безупречный доктор. В Вяземской городской земской больнице он заведовал инфекционным и венерическим отделением. Октябрьскую революцию встретил скорее хладнокровно, чем с каким-либо пафосом; находясь вдалеке от столиц и мало интересуясь политикой, трудно оценить ситуацию. Наверное, все мысли Булгакова, свободные от работы, были заняты творчеством: желание писать овладевало им все сильнее.

Новая врачебная специализация венеролога, освоенная в Вязьме, пригодилась в Киеве, куда он вместе с женой вернулся в феврале 1918 г. Молодые супруги поселились в доме родителей Михаила Афанасьевича.

Гражданская война. Врач и политика

Уже в марте 1918 г. Булгаков открыл в Киеве частную венерологическую практику. Несмотря на молодость, он пользовался популярностью у пациентов. Однако наметившееся мирное течение жизни прервалось в конце того же года.

Декабрь 1918 г. принес изменение политической ситуации на Украине. До этого момента страной управляло правительство во главе с гетманом (командующим армией) Павлом Петровичем Скоропадским (1873–1945). Боевой командир с 1893 г., участник Русско-японской войны 1904–1905 гг., кавалер ордена Святого Георгия и других высших воинских наград, генерал-адъютант Николая II, бывший подчиненный российских генералов Л. Г. Корнилова и В. И. Селивачёва, одобрявших проведенную Скоропадским украинизацию армии, гетман держал курс на внутреннее самоопределение Украины и политическое единство с Россией. При этом сохранение национальной самобытности подразумевалось само собой, не даром Скоропадский учредил национальную Академию наук и национальный университет. Однако гетман совершил ряд серьезных политических ошибок, лишивших его поддержки и народа, и армии, и вынужден был опираться на немцев, непопулярных среди населения, а те после бесславного окончания Первой мировой войны уже не могли оказать ему поддержку.

В результате Скоропадский вынужденно сложил с себя властные полномочия и тайно уехал в Берлин с остатками немецких военных частей, а в Киев пришли войска под командованием ярого националиста С. В. Петлюры. Петлюра стоял за полный разрыв с Россией. Его не интересовали ни белые, ни красные. Все совершалось им во имя украинской национальной идеи. Первое, что он сделал, по воспоминаниям митрополита Евлогия, – это расстрелял более ста офицеров царской армии в центре города [11]. Затем арестовал верхушку украинской православной церкви и начал расправу над теми, кто сочувствовал царскому правительству, Временному российскому правительству или большевикам.

В начале 1919 г. Красная Армия разгромила войска сепаратистов. И прежде чем Петлюра, искавший поддержку в Европе, заключил договор с Польшей (что произошло в апреле 1920-го, а чуть позже, спустя полгода, в занятый поляками Киев вошли красные большевистские войска и Петлюра эмигрировал), по его приказу было уничтожено очень много людей.

В Киеве в 1918 г. Михаил Булгаков политической индифферентности уже не проявлял: он поддерживал гетмана Скоропадского. 14 декабря, когда в город вошли войска Петлюры, он находился в составе офицерской дружины и видел все то, что позже описал в романе «Белая гвардия». Наблюдательность будущего писателя поразительна: в ситуации нескончаемого стресса он сумел запомнить множество мельчайших деталей, а позже воссоздать их так, что у читателя невольно возникает эффект присутствия.

В начале 1919 г. Булгаков был мобилизован в армию Петлюры как военный врач, но, по всей видимости, в этом качестве пробыл всего один день. Летом того же года наконец получил некоторую передышку и начал работать над «Набросками земского врача» (окончательное название – «Записки юного врача») и несколькими рассказами. А уже в конце лета или осенью его снова мобилизовали. Он то ли попал в плен к представителям Вооруженных сил юга России (Белая армия), то ли сдался добровольно (в источниках говорится по-разному), но единого мнения исследователи не имеют до сих пор. «В 1919 г., проживая в г. Киеве, последовательно призывался на службу в качестве врача всеми властями, занимавшими город», – писал позже сам Булгаков [13, с. 104].

Осенью Михаил Афанасьевич в составе Белой армии оказался на Северном Кавказе. Он участвовал в походе против восставших чеченцев и работал в военном госпитале Владикавказа. Позже в рассказе «Необыкновенные приключения доктора» появились слова: «У

речонки, на берегу которой валяется разбухший труп лошади, на двуколке треплется красно-крестный флаг (имеется в виду флаг Красного Креста. – *Ред.*). Сюда волокут ко мне окровавленных казаков, и они умирают у меня на руках» [13, с. 104]. К кавказскому периоду относится первая публикация Михаила Булгакова в газете «Грозный». Буквально через несколько недель он прекратил врачебную деятельность и ушел в журналистику: «Пережил душевный перелом 15 февраля 1920 года, когда навсегда бросил медицину и отдался литературе» [14, с. 56].

В марте 1920 г. Белая армия оставила Владикавказ. Перед Булгаковым встал выбор – эмигрировать с войсками или остаться в стране. Принимая второе решение, он, разумеется, автоматически подчинялся новой власти. Казалось бы, судьба решила за него: в то время Булгаков был тяжело болен тифом и двигаться никуда не мог. Однако впоследствии ему самому стало ясно, что вне России он не состоялся бы как писатель.

Журналист, драматург, литератор

Владикавказ принес Булгакову первые литературные успехи. В 1920 г. он публиковал фельетоны и рассказы в «Кавказской газете» и сотрудничал в издательстве «Кавказ». Заведовал литературным отделом (тогда они назывались «лито») подотдела искусств Владикавказского ревкома, а потом и театральным отделом («тео») того же подотдела искусств. Читал лекции. Писал пьесы-юморески, которые ставились на сцене. Выступал с докладами. Преподавал в Народной драматической студии. В июле и августе Булгаков написал довольно большую пьесу, которую назвал «Братья Турбины» (другое название – «Пробил час»). В октябре того же года она была поставлена в Первом Советском театре Владикавказа. Увы, ее текст до нас не дошел, скорее всего, автор сам его уничтожил.

В начале 1921 г. Булгаков отправил несколько новых пьес в Москву на конкурс в Мастерскую коммунистической драматургии (Масткомдрам), предпринимавшую попытки перестроить театральный репертуар на новый, советский, лад. Увы, жюри не сочло нужным отметить произведения начинающего автора. В театрах Владикавказа пьесы Булгакова по-прежнему шли, в газетах печатались фельетоны.

Когда в мае открылся Горский Народный художественный институт, Булгакова пригласили на должность декана театрального факультета. Но уже через несколько дней молодой драматург отправился в Тифлис (так тогда назывался Тбилиси), чтобы добиться постановки своих пьес на сцене тамошнего театра. После этого супруги Булгаковы ездили в Батум, где Михаил Афанасьевич пробовал найти литературный заработок, и в Киев, где он сразу начал работать над инсценировкой романа Л. Н. Толстого «Война и мир».

А 28 сентября Михаил и Татьяна Булгаковы прибыли в Москву.

«В числе погибших быть не желаю...»

В очерке «Сорок сороков» (1923) Булгаков описывал свои впечатления от столицы за два года. Осень 1921 г. оставила по себе тяжелые воспоминания:

«По гроб моей жизни не забуду ослепительного фонаря на Брянском вокзале и двух фонарей на Дорогомиловском мосту, указывающих путь в родную столицу. Ибо, что бы ни происходило, что бы вы ни говорили, Москва – мать, Москва – родной город. <...>

Затем Москва показалась при дневном освещении, сперва в слезливом осеннем тумане, в последующие дни в жгучем морозе. Белые дни и драповое пальто. Драп, драп. О, чертова дерюга! Я не могу описать, насколько я мерз. Мерз и бегал. Бегал и мерз.

<...> Категорически заявляю, что я не герой. У меня нет этого в натуре. Я человек обыкновенный – рожденный ползать, – и, ползая по Москве, я чуть не умер с голоду. Никто кормить меня не желал. Все буржуи заперлись на дверные цепочки и через щель высовывали липовые мандаты и удостоверения. Закутавшись в мандаты, как в простыни, они великолепно пережили голод, холод, нашествие «чижиков», трудгужналог и т. под. напасти. Сердца их стали черствы, как булки, продававшиеся тогда под часами на углу Садовой и Тверской.

К героям нечего было и идти. Герои были сами голы как соколы и питались какими-то инструкциями и желтой крупой, в которой попадались небольшие красивые камушки вроде аметистов.

Я оказался как раз посредине обеих групп, и совершенно ясно и просто предо мною лег лотерейный билет с надписью – смерть. Увидав его, я словно проснулся. Я развил энергию неслыханную, чудовищную. Я не погиб, несмотря на то что удары сыпались на меня градом, и при этом с двух сторон. Буржуи гнали меня при первом же взгляде на мой костюм в стан пролетариев. Пролетарии выселяли меня с квартиры на том основании, что если я и не чистой воды буржуй, то во всяком случае его суррогат. И не выселили. И не выселят. Смею вас заверить. Я перенял защитные приемы в обоих лагерях. Я оброс мандатами, как собака шерстью, и научился питаться мелкокаратной разноцветной кашей. Тело мое стало худым и жилистым, сердце железным, глаза зоркими. Я – закален» [7, с. 117, 118].

Булгаковых в Москве поджидали голод и холод – в самом прямом, а вовсе не метафорическом смысле. Мужества едва-едва хватало, чтобы бороться за физическое выживание. Т. Н. Лаппа вспоминала: «Бывало, что по три дня ничего не ели, совсем ничего. Не было ни хлеба, ни картошки. И продавать мне уже было нечего. Я лежала, и все. У меня было острое малокровие...» [5]. Голодала вся Россия, не только Москва; в газетах появлялись жуткие сообщения о случаях людоедства в провинции. Город изобиловал бандами, в частности упомянутыми писателем «чижиками».

Однако Булгаков довольно быстро обзавелся знакомствами и, находя разного рода заработки, быстро и помногу, почти бегом, целыми днями передвигался по Москве в холодном драповом пальто, добывая пропитание. Он сумел, чего бы это ни стоило, сохранить и не обменять на съестное (как это делали многие) приличную одежду, что оказалось немаловажно – плохо выглядящих людей в Москве не привечали и таковым не помогали. Татьяна Николаевна,

в свою очередь, брала на себя почти все бытовые заботы, оставляя мужу лишь те дела, с которыми физически не могла управиться.

Спустя время, 19 октября 1923 г., Булгаков записал в дневнике:

«Итак, будем надеяться на Бога и жить. Это единственный и лучший способ... <...> Может быть, сильным и смелым Он не нужен, но таким, как я, жить с мыслью о Нем легче.

Нездоровье мое осложненное, затяжное. Весь я разбит. Оно может помешать мне работать, вот почему я боюсь его, вот почему я надеюсь на Бога» [5].

Все-таки Булгаковым пришлось хоть немного легче, чем другим людям, приехавшим в Москву в то время. Родственники, как раз в то время уезжавшие в Киев, устроили их жить в своей комнате, хотя супруги и пребывали в постоянном страхе выселения – жилплощадь в столице в то время стоила значительно дороже золота. Помогла им жена руководителя Советского правительства председатель Главполитпросвета¹ Н. К. Крупская. Официальный адрес ныне известен, наверное, всем читателям Булгакова, без преувеличения, по всему миру: Большая Садовая улица, дом № 10, квартира № 50. В это же время писатель устроился на работу в Лито Наркомпроса (правда, организацию вскоре расформировали). Сотрудничал он и в других местах (например, в газете «Торгово-промышленный вестник», которая также быстро закрылась), а параллельно писал повесть «Записки на манжетах». «Жил тогда Миша бедно, в темноватой, сырой комнате большого дома по Садовой, со своей первой женой Татьяной Николаевной. По стенам висели старые афиши, вырезки из газет, чудаческие надписи» [14, с. 88].

¹ Главный политико-просветительный комитет Республики входил в состав Наркомпроса (Народного комиссариата просвещения) РСФСР и существовал в 1920–1930 гг.

«Москва начинает жить»

В начале 1922 г. из Киева пришла печальная весть о том, что 1 февраля скончалась мать Михаила Афанасьевича, а спустя три дня в центральной газете «Правда» был опубликован его первый большой репортаж под названием «Эмигрантская портняжная фабрика». Так началась карьера молодого автора в московской журналистике. В дальнейшем Булгаков заведовал издательской частью в Военно-редакционном совете Научно-технического комитета Военно-воздушной академии им. Н. Е. Жуковского, был репортером в газете «Рабочий» (где печатался под псевдонимом Михаил Булл), писал репортажи и рассказы, поступил на работу в газету «Гудок» – в 1920-е гг. там сотрудничали многие будущие замечательные отечественные писатели: Илья Ильф и Евгений Петров, Валентин Катаев, Юрий Олеся, Константин Паустовский, Лев Славин, Михаил Зощенко.

В Москве и в жизни Булгакова ситуация менялась стремительно. В уже упомянутом выше очерке «Сорок сороков» после описания страшной зимы идет продолжение, в котором показаны первые месяцы после объявления новой экономической политики, сокращенно НЭПа, благодаря которому столица начала возрождаться:

«На самую высшую точку в центре Москвы я поднялся в серый апрельский день. Это была высшая точка – верхняя платформа на плоской крыше дома бывшего Нирензее... Москва лежала, до самых краев видная, внизу. Не то дым, не то туман стлался над ней, но сквозь дымку глядели бесчисленные кровли, фабричные трубы и маковки сорока сороков. <...> На душе у меня было радостно и страшно. Москва начинает жить, это было ясно, но буду ли жить я? Ах, это были еще трудные времена. За завтрашний день нельзя было поручиться. Но все же я и подобные мне не ели уже крупы и сахарину. Было мясо на обед. Впервые за три года я не „получил“ ботинки, а „купил“ их; они были не вдвое больше моей ноги, а только номера на два. <...>

Это был апрель 1922 года».

Дом Нирензее, описанный Булгаковым и названный так по фамилии инженера-строителя, первый московский небоскреб, в ту пору действительно самое высокое здание в Москве, и поныне стоит в Большом Гнездиновском переулке (дом № 10). В начале 1920-х гг. там в числе прочих учреждений располагалась редакция берлинской газеты «Накануне». Материал для нее собирали и в России, и в эмигрантской среде, но основной читатель ее оставался все же на родине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.